

«Хроники ковидного заточения»,
упомянутые в романе, — это не вымысел,
а реальная история автора, пережившего
все нижеописанное в январе 2021 года.
Чему есть документальные свидетельства:
тесты ПЦР, справки и электронная
медицинская карта

* * *

Опять она воет... Эта дьявольская собака! С утра, как только ее хозяйева, мои соседи по лестничной клетке, уходят на работу, она, оставшись в одиночестве, начинает поскуливать, призывая их вернуться. А потом, поняв, что хозяйев опять не будет весь день, до глубокого вечера, принимается лаять. Этот лай становится все отчаяннее и переходит наконец в протяжный непрерывный вой. Я тут же надеваю шумопоглощающие наушники и время от времени прижимаю их ладонями к ушам. Буквально вдавливаю эти черные, шершавые на ощупь кругляши в свой череп, такое ощущение, что они впиваются в мозг, аж искры из глаз сыплются! В этот момент от дикой боли я ничего не вижу. Но зато я СЛЫШУ! Этот протяжный вой, как будто в доме покойник!

Я слышу его даже по ночам, когда собака, счастливая тем, что ее хозяйева наконец вернулись, спит на коврике у их супружеского ложа или, быть может, даже в самой кровати, в ногах у мужчины. Они все трое сладко спят. Зато я не я сплю. Мне так и чудится, что она

воет. Это уже фантомный, навязчивый звук, умом я понимаю, что его нет. Не существует. Я даже как-то попросил единственного друга у меня заночевать, для чего напоил его дорогим коньяком. С единственной целью: спросить, как ему спалось?

— Спал, как младенец, — заверил меня Мишка.

— А собака? Она выла?

— Какая собака? — искренне удивился он.

— Вот сейчас... Ты разве не слышишь? — я напрягся.

— Извини, старик, но... У тебя все порядке?

— Ах, да! Сегодня же суббота! — спохватился я. — Они дома, и собака не воет. Хотя... Ты точно ничего не слышишь?

В этот момент мне показалось, что я потеряю единственного друга. Он готов был позвонить в психушку. Я пересилил себя, рассмеялся и хлопнул его по плечу:

— Шутка! Мне просто хотелось провести пятничный вечер в компании. Бухнуть и поговорить о бабах, как мы это делали раньше. До *всего этого*.

Имеется в виду, до пандемии. Словно в другой жизни. Мы тогда и слыхом не слыхивали про удаленку, про эти чертовы QR-коды, про то, что бары могут быть закрыты после одиннадцати. Господи, да что в них делать-то *до одиннадцати*? Когда все самое интересное начинается после того, как пробьет полночь!

Поговорить о бабах... А раньше мы их снимали в том же пабе или на улице, полной ночных соблазнов. Когда после утомительной рабочей недели не хотелось ехать домой, именно вечером в пятницу, в предвкушении аж двух выходных дней. И пьяненькая телочка, кото-

рая также в пятницу после утомительной рабочей недели навела в ближайшем ТЦ марфет у Лейлы или Зульфийи с ласковыми руками: начесалась и накрутилась, обновив ноготочки. Телочка потягивает коктейль с таким видом, словно только и ждет, чтобы ее хлопнули по упругой попке, обтянутой модными джинсами. А дальше — такси, ночной клуб, и снова такси...

Мы неделю ждали этой ночи, когда, пьяные и свободные, будем тусить, а потом трахаться. И что со всем этим стало?!

Эх, была же у нас когда-то жизнь! И свобода. Которую мы не ценили.

А теперь я сижу и целыми днями слушаю, как воет эта чертова собака! И пытаюсь при этом работать. Но ведь это же невозможно! Я не могу выйти из дома, потому что привязан к своему офису и мне в любой момент могут прислать крайне важное письмо, на которое я обязан ответить. Иначе меня уволят с работы. Попробуй сейчас найти другую! Даже если найдешь, это будет та же удаленка. С воющей собакой. Я вдавливаю наушники в череп и через боль пытаюсь прочесть, что мне там написали коллеги? И слышу при этом, как воет собака...

Я ненавижу своих соседей, ненавижу эту собаку, но, когда мы встречаемся у лифта и она с визгом пытается облапать мои колени, царапая когтями единственные джинсы, я через силу улыбаюсь и говорю этим ужасным людям, которых ненавижу страстно, до колик в животе, и даже до судорог:

— Какая милая собачка. Не кусается?

— Нет, что вы! Это очень дружелюбное существо! Вас не беспокоит?

— Нет, — широко улыбаюсь я.

Как доказать людям, что прелестный песик в их отсутствие сходит с ума? Ведь когда они дома, то он молчит, и они справедливо считают его прелестным. Найти свидетелей? Но я ни с кем не общаюсь. Квартира съемная, а сейчас все такие подозрительные. Лица закрыты масками, бывает, в лифте от меня шарахаются, особенно пожилые. Надо соблюдать дистанцию.

Проклятое время. Чудовищное просто. О, как я ненавижу тех, кто все это придумал! А я уверен, что эта пандемия — заговор. Нет никакого вируса, есть кучка невероятно хитрых и умных людей, к коим я, увы, не принадлежу. Я даже с животным не могу справиться. С какой-то собакой. Выкинуть ее из своей жизни. Но в ближайшее время я обязательно что-нибудь придумаю.

Мне надо как-то пригасить этот вой. Заглушить его чем-то. Отчаянными криками, допустим. Есть ведь на свете что-то погромче этой собаки? Или кто-то?

Покойник... В доме скоро будет покойник...

Она ведь не случайно так старается, эта со...

Все, хватит! Нет ее, не существует. Она — фантом. Это воет мой отчаявшийся мозг всеми своими серыми клетками. Воет по тому, чего никогда больше не будет. По прошлому. Но я могу забиться и поискать.

Совсем скоро Новый год. И я клянусь, что после того как пробьет полночь, я начну жизнь заново. Первым делом покончу с этой собакой. Или с ее хозяевами. Словом, прекращу все то, что меня так мучило. Я уже знаю, как это сделать.

Невозможно доказать людям, что в их отсутствие у них дома происходят ужасные вещи. Эта фраза и натолкнула меня на мысль.

Об отсутствии и присутствии. И о преступлении. Как сделать свое отсутствие присутствием. И, соответственно, своим алиби. А после этого расправиться хоть с собакой, хоть с ее хозяевами, хоть еще с кем-нибудь, кто особенно докучает.

И насчет телочек. С упругими попками. Они тоже могут стать доступными даже сейчас, когда мир погрузился в хаос. Можно заполучить их совершенно безнаказанно. Благодаря отсутствию присутствия. Или наоборот?

В общем, разберемся.

* * *

— С наступающим тебя. — Люба с трудом подбирала слова. Никогда еще разговор с Людмилой не давался ей с таким трудом. Люба просто давилась этими банальностями, словно заплесневевшим черствым хлебом, в горле стоял ком, а к глазам подступали слезы. И это в канун Нового года! Когда во всех домах стоял одурманивающий запах оливье и студня! Ну а те, кто побогаче, баловали себя зажаренным в духовке молочным поросенком или индейкой.

Люба взяла в свободную от телефона руку маленькое солнышко, мандаринку, чтобы согреть душу, и принялась. Пахнуло любимым праздником, детством, ничем еще не омраченным счастьем. Надо пересилить себя и добавить в надтреснутый сухой тон нотки радости:

— Желаю, чтобы в новом, 2021 году все у вас с Сережей было хорошо, главное, было бы здоровье... Любаше, крестнице моей, крепкого здоровья, твоему сыну Петьке и внуку Максимке...

— Ты весь список решила огласить? — ехидно спросила Люська. — Я поняла: всем здоровья. И вам с Алексеем того же. Это для вас главное. Все остальное у вас есть.

Люба сделала вид, что иронию не заметила.

— Решила позвонить пораньше, пока линия не занята, знаю, что у тебя куча дел, — заторопилась она.

— Была когда-то. А теперь я совершенно свободна. И линию никто не займет. Но я ценю твое внимание. Спасибо, что позвонила. Именно пораньше. Пока меня президент не поздравил, персонально. Или гендиректор телеканала, где я когда-то работала. Да, еще медаль жду. За заслуги перед Отечеством. Я твоему мужу, часом, дорогу не перешла? Он ведь тоже в списке. Награда типа нашла героя.

— Ну, зачем ты так!

— А как?! У тебя все хорошо, у меня все плохо. И я сама во всем виновата. У меня тоже все могло быть хорошо, если бы я, как и твой муж, сделала вид, что верю всему, что сейчас происходит. Но я не верю. И Сережа не верит. Кстати, насчет здоровья. Он, кажется, заболел, так что я сегодня совмещаю две должности: поварихи и медсестры.

— Уж не «корона» ли? — заволновалась Люба.

— Нет. Он простыл. По магазинам ездил перед Новым годом, выходил из машины без шарфа и шапки, весь потный. Скорее всего, бронхит. Сережа подкашливает и жалуется, что у него голова болит.

— Если что, звони на горячую линию по ковиду: сто двадцать два. Приедут быстро, привезут лекарства. Когда еще врач придет: рождественские каникулы. Поликлиники закрыты.

— Да не ковид у него, сколько тебе раз повторять! — раздраженно сказала Люська. — Нет его! Это все придумали, чтобы загнать людей в цифровой концлагерь!

— Не буду с тобой спорить, — вздохнула Люба. — Если понадобится моя помощь...

— Чем ты мне можешь помочь? — сердито спросила подруга.

Теперь, похоже, уже бывшая. Бывшая подруга — как горько это звучит. Как будто взяли и отрезали полдуши. Менялись мужья, приходили и уходили любовники, непостоянной была работа, дом попал под реновацию, соответственно, и жилье оказалось величиной непостоянной. И только Люська-Апельсинчик была у Любы всегда, а она у нее. С самого детства. Солнышко с яркими волосами, которые подруга красила в немыслимые цвета, женщина-праздник по прозвищу Апельсинчик, маленькая, округлая, неумная в своих фантазиях.

События, начавшиеся ровно год назад, перепахали жизнь многих, изменили ее кардинально. Люди разделились на два лагеря: тех, кто верит в коронавирус, и тех, кто нет. Кто ратует за ношение масок и перчаток и соблюдение социальной дистанции, и кто говорит, что это полный бред.

Люська-Апельсинчик всегда была анархисткой. Еще со школы, когда Люба тянула ее на аттестат. А подружка предпочитала зажигать на дискотеках и крутить романы. Уж очень они разные, но говорят ведь, что крайности сходятся. Люба, как и все, никогда не верила, что случится ЭТО. Мир накроет пандемия, а их с Люськой отношения, которые чего только не выдержали, каких проверок, в том числе

и смертью, окажутся на грани разрыва по... господи! Политическим мотивам!

Сергей Иванов, Люськин муж, айтишник, был возмущен введением QR-кодов, всей этой коронавирусной истерией и локдауном. Его отправили на удаленку еще прошлой весной, Сергей так и сидел на ней, заметно потеряв в зарплате.

А Людмиле, персоне медийной, предложили сняться в рекламе с медицинской маской. Призывая всех носить ее и перчатки и соблюдать социальную дистанцию. Муж сказал: или-или. Мне такие деньги не нужны, моей дочери тоже. Людмила выбрала семью, потому что дорожила ею больше, чем работой. Последовали санкции, и в итоге руководство телеканала закрыло ток-шоу Людмилы Ивановой, сославшись на низкие рейтинги.

Поскольку Любин муж работал в ФСБ, хоть и в отделе компьютерных преступлений, но все равно на государство, занимаясь его безопасностью, у самой Любы вариантов тоже не нашлось. И не потому, что муж на нее давил. Она считала, что знает гораздо больше, чем подруга, к тому же может проанализировать ситуацию, значит, имеет право на другое мнение. Люба тоже дорожила своей семьей, хотя детей у них с Алексеем так и не было. И многолетняя дружба с Апельсинчиком дала трещину. Которая все ширилась.

Настолько, что они с Люськой еще прошлой весной перестали общаться. Люба первая нашла в себе силы и позвонила, чтобы поздравить Апельсинчика с Новым годом. Хотя могла бы ограничиться картинкой в мессенджере, как они в последнее время и делали. Слали друг другу гифки: с 8 Марта, с Победой, «Поздрав-

ляю с Днем рождения!». Да, и до этого дошло. Это был первый Любин день рождения, на который не пришла ее единственная подруга. Чуть ли не самый близкий человек.

И теперь это ледяное:

— Сама справлюсь. Алексею привет. Я вам тоже желаю здоровья. С наступающим.

— Если что звони... — но в трубке уже было молчание. Разговор прервался.

Люба тяжело вздохнула. Ей было одиноко без Апельсинчика и ее шумной семьи в их с Алексеем огромном загородном доме. Подруга до всех этих событий охотно и часто приезжала, они устраивали вечеринки, чудили. Люська — огонь просто! Этакий живчик, зажигалочка. Во время пандемии сама Люба тоже ушла на удаленку. Лекции, семинары — все теперь было дистанционно. И Люба не могла не признавать, что это идет во вред учебе. Прием пациентов тоже приходится вести удаленно. Совсем как в те далекие времена, когда Люба, тогда еще по первому мужу Петрова, после ужасной аварии и выкидыша страдала агорафобией и вела консультации только по Сети. Теперь чуть ли не у половины эта агорафобия! Боязнь покинуть четыре стены. Но что делать? Леша говорит: все серьезно.

— Надулась? — Муж положил ей руку на плечо. Люба невольно вздрогнула:

— Ты как кот подкрался. Неслышно.

— Не хотел спугнуть твое примирение с лучшей подругой. Но, похоже, напрасно старался. Люська упертая.

— Она и в самом деле не верит в коронавирус. Называет его барановирусом, талдычит про какой-то золотой миллиард. Мол, в живых оставят только избранных, а остальных — под нож. Скажи мне честно: кто прав?

— Этого никто тебе сейчас не скажет, — муж грустно улыбнулся. — Просто живи, поняла? Кстати, что у нас на ужин? Праздник, как-никак. Хоть и грустный. Боюсь, новостей, которых мы так ждем, не будет. Масочный режим затянется надолго. И пандемия тоже.

— Я заказала еду в ресторане. Себе рыбу, тебе мясо. Закуски какие-то, пару салатов. Я по-прежнему не умею готовить.

— Я и не надеялся на лучшее, когда на тебе женился. Только на понимание. Рад, что не ошибся. Ну, не реви. Она вернется. У Ивановой полно недостатков, но она незлопамятная. Я тебе предсказываю... — Он сделал загадочное лицо. — Не далее как в каникулы ваше примирение состоится... Кого-нибудь убьют, и вы снова кинетесь на поиски маньяка. Люська еще будет рыдать у тебя на груди.

Люба вытерла слезы. Надо Новый год встречать. По крайней мере, она первой сделала шаг к этому примирению.

Звоните 122

— Горло болит? — допытывалась Люся у мужа. — На градусник. Мерь!

— Да все со мной нормально, — хрипло ответил тот. — Я же тебе говорю: продуло.

— Поговори мне! Господи, сторит ведь! — Она кинулась к плите.

Там, в духовке, румянилась курица с овощами. Праздник есть праздник, хотя бюджет у них теперь скромный. После увольнения с телеканала Людмила с отчаянием ударилась в блогерство. Теперь все деньги были в Интернете. Звезды Ютуба и ТикТока гребли их лопатой. Не отставали топы Инсты и Дзена. Теле-

грам подтягивался. Читая о том, сколько знаменитые блогеры получают в месяц, а то и в день, Люська только ахала: неужто правда?!

Она готова была снимать ролики, петь, плясать, тараторить без умолку на всех без исключения интернет-ресурсах. Завела блоги и в Инсте, и ВКонтакте, и в Телеграм. И, разумеется, на Дзене. Да где только не завела! Она неистовствовала и обличала, не гнушалась хайповать и постить свои пикантные фото. Но дело все равно шло плохо.

— Мой поезд ушел, — жаловалась она мужу, строгая оливье. — Я опоздала, Сережа. Сделала ставку на ящик, на свою медийность. А в Сети свои звезды. Теперь все с нуля. А я уже старая. За полтинник перевалило. Ну чем я могу заинтересовать публику? Так, чтобы в моих блогах размещали рекламу на миллионы.

— Мы с голоду не умираем, многим сейчас хуже. Хотя бы долгов нет. — Сергей закашлялся.

— Пока нет. Я, конечно, вспомню годы молодые. Научусь опять варить кашу из топора. Но ведь обидно! Кто-то деньги сейчас лопатой гребет! Я-то чем хуже? А?

— Падать больно.

— Что ты сказал? — Она облизнула ложку и обернулась.

— Ты высоко забралась. Эфиры, медийность. Миллионные гонорары. А тут — курица с картошкой, — и муж опять закашлялся.

— Любке, вон, хорошо. Выскочила замуж за своего фээсбэшника на старости лет. Глядишь — усыновят кого-нибудь. Денег полно, чего не жить?

— Завидуешь?

